

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Вып. XXVII

АФРИКА
(География, история, культура, экономика)

Москва
Главная редакция восточной литературы
1991

Н. С. Бабинцева, Э. А. Салахов

**КАПИТАЛИЗМ В «ТРЕТЬЕМ МИРЕ» —
СИНТЕЗ ТРАДИЦИОННОГО И СОВРЕМЕННОГО**

Проблема синтеза традиционного и современного исследуется в чрезвычайно интересной книге почти такого же названия, принципиально решающей задачу определения формационной принадлежности переходного общества «третьего мира» [21]. Выдвижение тезиса о синтезе традиционного и современного во всяком переходном периоде от одной формации к другой, безусловно, отвечает творческому духу марксизма гораздо больше, чем буквальное применение весьма абстрактной и чисто временной модели трехчленного формационного развития человеческого общества (см. [14]).

Широкий общеметодологический подход, продемонстрированный авторами «Синтеза традиционного и современного», позволяет, как нам представляется, распространить положение о синтезе на весь «третий мир», несмотря на то что книга анализирует материалы прежде всего по афро-азиатскому Востоку, хотя и на основе обширнейших историко-географических сопоставлений. Попытаемся с позиций теории синтеза рассмотреть становление и дальнейшую эволюцию капитализма в развивающихся странах. Подчеркнем прежде всего, что отмечаемые ныне в любом, даже самом популярном издании такие характерные черты социально-экономической структуры развивающихся стран, как многоукладность и дуальность их экономики, являются выражением этого синтеза. И то и другое явление подвергнуто в нашей литературе тщательному анализу (см. [8; 9; 12; 19]), поэтому мы остановимся лишь на некоторых моментах.

Первый вопрос: каково соотношение этих понятий между собой и с процессом становления капитализма? Идеи о многоукладности и дуальности экономики и общества развивающихся стран появились в литературе последовательно одна за другой, что, очевидно, отражало определенный порядок эволюции самой действительности. Конечно, термины «традиционный сектор» и «современный сектор» применялись и для характеристики колониального общества, но все-таки в ином смысле, нежели теперь. Категория «многоукладность» отража-

ла унаследованное от колониализма состояние базиса и всей экономики «третьего мира» сразу после завоевания политической независимости. Эта по сути своей колониальная многоукладность обладала такими качествами, как относительная устойчивость, малый динамизм и достаточная способность к воспроизводству каждого уклада в отдельности. Названные условия явились предпосылкой для того, чтобы капитализм первоначально формировался не просто как многослойный, но и как многоукладный.

Прямой причиной многоукладности капитализма явилась длительная разобщенность в развивающихся странах его верхушечного и низового потоков, порожденная большим разрывом в применяемой технике и ориентацией крупного капитала на деловые контакты во многом вне национальной экономики. Появление двух или нескольких капиталистических укладов, несомненно, усиливало многоукладность, но лишь на сравнительно небольшой период, так как она в это время под влиянием в первую очередь активной государственной деятельности обрела высокую динамичность и быстро трансформировалась в направлении собственного преодоления путем интегрирования всех укладов ведущим, в качестве которого на первых шагах экономической независимости выступал государственный капитализм. Но интегрирование протекало двуслойно. С одной стороны, обнаружилась тенденция к слиянию низового и верхушечного потоков становления капитализма и к созданию единого капиталистического воспроизводственного механизма. Как правило, это имело место в странах с демократическим типом капиталистического развития (см. [13; 20, с. 61]). С другой стороны, капитализм все больше отторгал от себя не интересовавшие его докапиталистические уклады, которые в целях выживания консолидировались и образовывали собственный докапиталистический воспроизводственный механизм бедности и пауперизма. Экономика и общество оказались расколотыми на два сектора — традиционный и современный. Примерно таков был ход событий в Индии.

В Африке сейчас вырисовывается сходная по тенденциям картина. В ряде стран Северной Африки намечается переход к дуальной экономике, но в Тропической Африке в основном еще имеет место многоукладность с ярко выраженным в некоторых странах (например, в Нигерии, Кении) разделением потока капитализма на низовой и верхушечный.

В странах с бюрократическим характером капитализма картина несколько иная. Низовой поток не получил там полноценного развития, и современный сектор представлен почти исключительно верхушечным капиталом, а все то предприятие, которое могло бы составить его низовую базу, опускается в традиционный сектор. Типичным примером является Турция. Здесь после массивного вторжения в промышленность в 50—60-е годы крупного частного капитала «сверху»,

преимущественно из торговли, мелкокапиталистическое предпринимательство начало увядать. Уменьшалось даже количество мелких предприятий, причем в производстве потребительских товаров, где традиционно концентрируется мелкое производство. Из всех вновь созданных в Турции в 70-е годы мелких предприятий 70% имели занятость не более одного-двух человек и лишь 3,5% предприятий нанимали от семи до девяти человек [25, с. 14]. Это означает, что практически все созданные за 70-е годы мелкие предприятия относились к традиционному сектору. В Тропической Африке еще до сих пор, видимо, капитализм не консолидировался в едином, в известном смысле, противостоящем всему традиционному обществу секторе. В верхушечном потоке не соединились еще его основные части: крупное национальное предпринимательство, иностранный капитал и государственный капитализм, а низовой поток развивается в основном как неформальный сектор. В целом применительно к Тропической Африке приходится говорить пока именно о многоукладности, в том числе в рамках самого капитализма.

Дуальность и многоукладность быстро идущей по пути капитализма экономики симптоматичны. Они сохраняются, безусловно, не потому, что капитализм не имеет финансовых сил их ликвидировать, но потому, что капитал в них заинтересован. Традиционные и докапиталистические структуры (ростовщичество, патриархальность отношений, остатки общинной взаимопомощи и т. д.) удерживают в деревне громадные массы населения, предохраняют их от классического «раскрестьянивания» и тем самым создают нормальную социально-политическую обстановку для развития капитализма. Если бы эти гигантские людские потоки в сотни миллионов были «освобождены» тем же самым капиталом от связи с землей, от докапиталистических пут, то при невозможности их поглощения капиталоемким, а не трудоемким промышленным производством они потрясли бы до основания всякую политическую стабильность. В этом именно, а не в старых связях основа союза, а порой и политическое подчинения капитала землевладельцам.

Латифундизм в Латинской Америке, видимо, надо считать составным элементом формирующегося там финансового капитала, а латифундизм, в свою очередь, консервирует не только минифундизм, докапиталистическую аренду, но и виды полурабской личной зависимости. Таким образом, в развитии латиноамериканского капитализма присутствуют не включенные в капиталистическое воспроизводство, но неотделимые от капитализма традиционные структуры. Недаром латиноамериканский экономист Теотонис Дос Сантос писал: «Живучесть традиционного сектора, которая столько раз вызывала ужас и восхищение, объясняется не его собственной силой, а той необходимостью в нем, которую испытывает промышленный капиталистический сектор экономики» [24, с. 68]. Расширение

традиционного сектора как за счет вытеснения низших форм капиталистического производства, так и за счет своего собственного автохтонного роста параллельно с современным отмечается и в ряде книг по частному предпринимательству в Африке (см., например, [15, с. 26]). Авторы ссылаются при этом и на конкретные полевые исследования французских ученых, проведенные в Кот-д'Ивуаре. Таким образом, дуальность экономики означает не просто сосуществование, а именно синтез в макроэкономическом масштабе традиционных структур и современного капитализма.

Синтез характеризует не только все капиталистическое общественное воспроизводство в масштабах страны, но и отдельные процессы формирования и отдельные части национального капитала. Синтез, безусловно, присутствует в мелком капиталистическом предпринимательстве. Так, в только что упомянутой книге об Африке указывается на формирование в африканском земледелии промежуточных структур, которые представляют собой симбиоз стадияльно разных укладных форм, в частности «слабо дифференцированных форм общинно-кабального и феодально-кабального типа с элементами мелко-товарного и мелкокапиталистического укладов» [15, с. 33]. Но даже и высшие капиталистические структуры в «третьем мире» характеризуются все тем же синтезом. Как хорошо известно, в целом ряде развивающихся стран уже образовались национальные монополии и финансовый капитал, которые в большинстве своем, хотя и по-разному, оказались сплетенными с докапиталистическими классами и прослойками. Например, в Латинской Америке, как отмечалось, капитализм с начала XIX в. (свержение испанского господства) формировался параллельно с концентрацией земельной собственности в частных руках, что и привело к своеобразному латиноамериканскому явлению — латифундизму, которое нельзя рассматривать как чистый пережиток феодализма. Это крупное частное землевладение, представляющее огромную экономическую и политическую силу, как таковое существует, несомненно, лишь в тесной связи с банками, промышленным капиталом, транснациональными корпорациями (ТНК).

Многие латифундисты занимают важные посты в промышленных, торговых и финансовых компаниях. Финансовые же и промышленные магнаты, в свою очередь, стремятся обзавестись земельными владениями не только для непосредственно предпринимательских целей, но и для повышения своего социального престижа, ибо латифундисты во многих странах, особенно в Аргентине, — это традиционно самый высший, привилегированный слой общества. Переплетение идет и по линии вложений накоплений латифундистов в промышленность, торговлю, банковское дело. Контакты с ТНК особенно значительны в формирующемся агробизнесе.

Латифундизм, таким образом, имеет как бы две стороны:

одна обращена к местному и иностранному финансовому капиталу и имеет чисто капиталистическую сущность; другая обращена к местному аграрному производству, где латифундизм, как правило, консервирует отсталость во всех отношениях — и в производительности труда, эффективности использования земель, и в системе подчинения сельского населения. Например, в 70-е годы в Бразилии в хозяйствах с площадью до 10 га возделывались почти $\frac{2}{3}$ участка, а в хозяйствах с земельным владением свыше 1000 га — лишь 1%. Капиталовложения же на единицу обрабатываемой площади в средних хозяйствах с применением наемного труда в два раза выше, чем в латифундиях [23, с. 319]. В аргентинской Пампе — основной сельскохозяйственной зоне страны — производство остается крайне экстенсивным, производительность труда понижается. Так, в первой половине 30-х годов в Аргентине производилось 598 кг зерна на жителя, а в начале 70-х годов — 261 кг. Количество голов крупного рогатого скота на душу населения упало с 5,5 в конце XIX в. до 2,1 в 70-е годы [4, с. 96]. Латифундизм сочетается с докапиталистическими формами аренды (издольщина), отработками, сохранением пеонажа, эквадорской уасипунгии, контроля над въездом и выездом крестьян, их занятиями торговлей и другими средневековыми ограничениями свободы личности.

Полуфеодальное явление латифундизма включается составной частью в латиноамериканский капитализм и его верхушечную часть — финансовый капитал. Своеобразный агропромышленный комплекс в Латинской Америке характеризуется как раз совмещением чисто капиталистической промышленности и отсталого сельского хозяйства. Типичным примером является латиноамериканская (аргентинская по стране базирования) финансово-монополистическая группа «Бунхе и Борн», владеющая 553 тыс. га плодородных земель, контролирующая $\frac{3}{4}$ мукомольной промышленности Аргентины, значительную часть других отраслей пищевой промышленности, часть текстильного и химического производства и даже машиностроение, в том числе производство оборудования по первичной обработке хлопка. Эта группа имеет филиалы в 80 странах и входит в первую пятерку международных монополий, контролирующих примерно 90% мировой капиталистической торговли зерном. Группа имеет также собственный банк.

Сходное положение можно наблюдать во многих других финансово-монополистических группах Латинской Америки, в частности в аргентинской «Сасетру», связанной с маслобояным производством, виноделием, рыбным хозяйством, мяскокомбинатами и холодильниками. Латифундизм включается в финансовый капитал и как очень своеобразное его банковское звено, точнее, как заменитель широкой сети банковских отделений в сельской местности. Банк выдает суммарный кредит латифундисту, а тот распространяет его в форме ростовщиче-

ского среди нуждающихся крестьян. Таким образом, система латифундизма, будучи составной частью финансового капитала Латинской Америки, синтезирует его с традиционными структурами. Подобным же образом обстоит дело в некоторых других развивающихся странах, в частности в Турции и в известном смысле, на Филиппинах.

Финансовый капитал в «третьем мире» использует и включает в свой состав не только земельную собственность, но и чисто традиционные институты типа общины. Характерный пример дает Юго-Восточная Азия. Видимо, так можно расценить ту часть программы «корпоративного хозяйствования» на Филиппинах [6, с. 60—63], которая призвана привлечь в сельское хозяйство крупный капитал на условиях владения землей и ее аренды при заключении контрактов с крестьянскими кооперативами «самаханг найон», использующими традиционную крестьянскую взаимопомощь «баянихан».

Очень большую роль в формировании и укреплении китайской финансовой верхушки в Юго-Восточной Азии играет китайская деловая община с ее традиционными институтами (см. [11, с. 83—90]). Специфика положения национального меньшинства заставила китайскую финансовую олигархию этого субрегиона успешно использовать традиционную социальную форму для прикрытия классовых различий в самой китайской общине и для подчинения всех ее классов и слоев финансовым магнатам. Кроме того, традиционная организация по кланам и диалектным ассоциациям поддерживает единство всех китайских мигрантов и действительно является до известных пределов формой взаимопомощи. Например, в этих группах существуют стипендиальные фонды, больницы, филантропические организации, внутренние страховые фонды, а также обычай предоставлять льготный кредит тем из членов общины, кто может в будущем преуспеть в деловой жизни, хотя в данный момент ничего не имеет. Все это делается на базе сохранения заимствованных из Китая традиций древних кланов, верности конфуцианству, преклонения перед предками, божествами-покровителями, соблюдения праздников, обрядов, поддержания храмов, замкнутости кланов, использования даже тайных обществ, деятельность которых граничит и порой открыто переходит в незаконную. Такая монолитность китайской деловой общины обеспечивает ее верхушке широкую и прочную основу и возможность проникновения в самые разные слои общества, доступность самой многообразной информации, хранящейся затем строго внутри общины. По-видимому, без традиционно-институциональной основы общины китайский финансовый капитал не смог бы добиться того места и роли в хозяйственной жизни, которую он имеет сейчас в Юго-Восточной Азии, да и за ее пределами (см. [11]).

Наконец, рассуждая о синтезе современных капиталистических форм с традиционными, нельзя не остановиться на вопро-

се о государстве. Отметим прежде всего, что в его деятельности еще в колониальный период мы находим такой синтез. В колониях, может быть, раньше, чем в метрополиях, отчетливо проявились государственно-монополистические черты и тенденции, так как необходимость в широкой экономической деятельности государства и в слиянии его силы с силой монополий здесь была больше. Так называемые «планы развития» для заморских территорий нередко появлялись раньше, чем для самих метрополий, развитие государством транспортной и частично ирригационной инфраструктуры в колониях началось еще задолго до второй мировой войны, а энергетики — сразу после войны. Система государственно-монополистического предпринимательства дополнялась жестким регулированием внешней торговли, созданием валютных зон, экспортом государственно-капитала в виде «помощи». Вряд ли можно оспаривать государственно-монополистическую природу этих мероприятий с точки зрения финансового капитала Западной Европы. Но если посмотреть на них со стороны общества колоний, то они предстают в другом свете.

В докапиталистической экономике колоний эксплуатация могла осуществляться только насильственными и полунасильственными методами на основе внеэкономического принуждения. Их и использовало колониальное государство. В результате создавалось положение, похожее на древневосточные деспотии: государство играло активную роль в экономической жизни и использовало для этого методы насилия и внеэкономического принуждения. Поэтому деятельность колониального государства можно и нужно определять не только как государственно-монополистическую, но и как восточнодеспотическую (см. [5, с. 30—37]), причем обе стороны были нераздельны, представляя собой синтез традиционного (восточнодеспотического) и современного (государственно-монополистического). Чисто административное вмешательство государства, иногда в очень грубых формах, способствовало внедрению товарно-денежных отношений.

Денежный налог можно рассматривать как фактор внеэкономического принуждения. Во-первых, это была как бы колониальная дань завоеванных завоевателям. Во-вторых, во многих странах, особенно африканских, он представлял собой насилие над натуральным хозяйством. Распространение экспортных культур в Африке до 50-х годов осуществлялось благодаря значительному внеэкономическому принуждению. Колониальная администрация заставляла африканских крестьян культивировать строго определенные экспортные культуры, как правило в ущерб продовольственным.

Рынок труда в колониях создавался административными методами. Собственно говоря, трудно даже называть его рынком. Во всяком случае, это не был тот «свободный» рынок, где продавец рабочей силы свободен в двояком отношении: от

средств производства и от личной зависимости. Во многих случаях речь шла не о продаже рабочей силы, а о ее насильственном отчуждении, которое осуществляло государство в пользу иностранных монополий или европейских колонистов (насильственная вербовка, система контрактаций, насильственные переселения и т. п.). Характерным для колоний вплоть до послевоенного периода был принудительный труд на так называемых «общественных работах», т. е. отчуждение рабочей силы в рамках собственно государственного сектора колониального государства.

Восточнодеспотический характер имело и провозглашение колониального земельного фонда собственностью государства метрополии («коронные земли»). Капиталистическое государство выступало верховным сюзереном в докапиталистическом обществе. Синтез государственно-монополистического и восточнодеспотического объясняется тем, что в соприкосновение пришли различные способы производства. Монополии, попав в колонии, столкнулись с невозможностью экономически реализовать свое политическое господство, воспользоваться его результатами. Тогда на помощь было призвано государство. Но машина буржуазного государства, столкнувшись с докапиталистическим базисом колоний, подверглась его влиянию, которое и привело к появлению в деятельности и характере буржуазного государства восточнодеспотических черт. Оно показало также, что широкая государственная экономическая деятельность при сохранении докапиталистических структур может протекать только с элементами восточнодеспотических черт. Неизбежность обратного влияния базиса завоеванного общества на методы и аппарат его эксплуатации завоевателями подчеркивал К. Маркс: «И способ грабежа опять-таки определяется способом производства. Например, stock-jobbing nation (нация с развитой биржевой спекуляцией) не может быть ограблена таким же способом, как пастушеский народ» [1, т. 12, с. 724].

Аналогично, хотя и в другой генетической взаимосвязи, стоит, видимо, вопрос о деятельности национального государства, государственном капитализме и государственно-монополистическом капитализме в современных развивающихся странах. Он рассматривается в литературе применительно ко многим государствам Латинской Америки и Азии, где сегодня наблюдается становление и развитие монополий и финансового капитала. Что касается Африки, то о государственно-монополистической тенденции, связанной с национальным капиталом, говорить можно лишь с большой осторожностью применительно к некоторым странам Магриба. В Тропической Африке речь идет скорее о государственном капитализме. Ряд авторов выдвигают предположение о принципиальной возможности трансформации производственных отношений в освободившихся странах непосредственно в государственно-монополистические, минуя исто-

рически предшествующие фазы развития капитализма. Так, например, Н. А. Симония пишет: «Чисто теоретически для тех азиатских стран, которые пытаются решить проблему экономической самостоятельности, оставаясь в рамках капиталистической формации, представляется лишь один „выход“ — скачок через фазу частнохозяйственного капитализма в фазу специфического (не только по своему генезису, но и по некоторым чертам) государственно-монополистического капитализма» [17, с. 18]. Причем одним из исходных источников государственно-монополистического капитализма Н. А. Симония считает государственный капитализм.

Противоположную позицию занимает Г. К. Широков, полагающий, что в условиях дуальной экономики гипертрофированная роль государства постепенно будет сокращаться и превращаться в подсобную, а «государственный капитализм здесь не будет перерастать в государственно-монополистический» [20, с. 20]. Различие точек зрения прослеживается и применительно к отдельным странам. Так, например, очень острая дискуссия по этому вопросу идет среди тюркологов (см. [10, с. 36, 37; 16, с. 271; 22, с. 35]). Обратимся поэтому к конкретным материалам по Турции, чтобы попытаться найти подходы к проблеме в более общем виде.

Экономическая деятельность государства в Турции, которая развивалась в 20—40-е годы, до сих пор очень велика. Сейчас в ней отчетливо заметно подчинение интересам монополий, так что можно говорить об элементах государственно-монополистического капитализма. Сращивание силы монополий с силой государства в Турции происходит в разных формах. Одна из главных в настоящее время — налоговое стимулирование крупного бизнеса. По новому законопроекту частные акционерные компании подлежат обложению налогом в размере от 35 до 46% при налоге на прибыль для государственных компаний в 50% [27, с. 26]. Корпорационные налоги в Турции оказываются значительно меньше вычетов из зарплаты. Так, в 1983 г. последние составили 1068 млрд. лир, а налоги на корпорации — 272 млрд. лир. В 1984 г. соответствующие показатели были 1450 млрд. и 385 млрд. лир [26, с. 21].

Государство по льготным ценам крупным предпринимателям сырье и топливно-энергетические ресурсы, производимые на государственных предприятиях, что ведет к убыточности последних и перераспределению созданной там прибавочной стоимости в пользу монополий. Большую роль играет государство в кредитовании частного капитала. Так, в 1984 г. Центральный банк выдал кредиты монополистическим объединениям, работавшим на экспорт, и частным банкам в сумме более 1 трлн. лир, причем с 20—25%-ной ставкой, в то время как сам Центральный банк получал ссуды от других банков из расчета 53% годовых. Убытки банка от указанной операции составили 160 млрд. лир [29, с. 8].

Государство до сих пор берет на себя инвестирование таких отраслей, куда частный капитал не идет из-за низкой прибыльности: энергетика, транспорт, связь, горнодобывающая промышленность и др. Правительство Турции и непосредственно оказывает помощь монополиям, которым грозит банкротство, выдавая займы и даже безвозмездные субсидии, как было, например, в 1982 г. с группой «Казаноглу—Джавушоглу холдинг». Национализации с выплатой компенсации были подвергнуты 30 нерентабельных предприятий этой группы. В 1985 г. для спасения от банкротства 225 компаний государство предоставило им 200 млрд. лир кредита из 30% годовых при общей средней ставке в стране в это время 70% [29, с. 8]. Такого рода данные показывают, что в Турции идет всемерная поддержка и поощрение государством крупного монополистического капитала. Это заставляет поставить вопрос о возможности развития в Турции государственно-монополистического капитализма.

Однако утвердительно ответить на него трудно. Во-первых, при сформированности такой системы государство служит интересам монополий и подчиняется им, выражая именно их интересы и являясь их органом. Монополии диктуют ему свою волю не только в экономических делах, но и при проведении внешней и внутренней политики. В Турции указанные моменты присутствуют не в полной мере. Прежде всего чисто экономическая мощь государства настолько велика, что оно может диктовать частному капиталу свою волю. Государственные экономические организации осуществляют 35% всех инвестиций в стране, в госсектор входит весь железнодорожный транспорт, почти вся электроэнергетика, связь, горнодобывающая промышленность, значительная часть обрабатывающей, половина банковско-кредитной сети. Государственные предприятия — самые крупные в Турции. Уровень концентрации на них в пять-семь раз превышает таковой у частных компаний. Государственные корпорации, по существу, приобрели характер монополий, причем более крупных, чем частные. Например, государственная нефтяная корпорация «Турки петроли» в начале 80-х годов по объему продаж заняла 100-е место среди 500 ведущих неамериканских корпораций, а самая могущественная частная турецкая промышленная монополистическая группа «Коч-Холдинг» — только 200-е.

Эти гигантские рычаги воздействия на экономику находятся в руках государства, которое, видимо, еще не имеет чисто буржуазной классовой природы. Как хорошо известно, после установления республики турецкая буржуазия была настолько слабой, что не могла ни создать собственной политической организации, ни претендовать на политическое господство. В то же время в Турции, не терявшей формального суверенитета, давно существовала сформировавшаяся национальная государственная машина с ее бюрократическим аппаратом, т. е.

созданная другими классами готовая организационная форма, через которую смогла получить самовыражение и турецкая буржуазия. Естественно, что в государственной машине, унаследованной от феодализма и развивавшейся далее в условиях дуальности экономики, очень сильно влияние встроенных в современные структуры элементов феодальных отношений, о которых говорилось ранее. В Турции таким элементом явилась анатолийская земледельческая знать. Положение в этой стране очень напоминало картину в Японии эпохи Мэйдзи, когда старый государственный аппарат стал выразителем интересов зарождавшегося класса буржуазии. Капитализм там формировался и длительное время развивался в полуфеодальной политической оболочке.

В Турции она сохраняется и по сей день. Нельзя забывать и о том, что при развитой бюрократии интересы бюрократической верхушки в известной мере обособляются, особенно в условиях неполной однозначности классовой природы государственной власти. Это создает возможность противостояния бюрократии обществу, в том числе и монополистическому капиталу. Во всяком случае, о полном слиянии их интересов в Турции говорить, видимо, нельзя. Государство пытается подчинять себе капитал политически и опирается при этом на свою экономическую мощь. Так, придя к власти в 1980 г., военные разъяснили, что дело монополий — «заниматься экономикой, предпринимательством, и в этих вопросах они получают поддержку; что же касается мероприятий, относящихся к внутренней и внешней политике, то этим должны заниматься власти» (цит. по [7, с. 108]). Все это дает основание сделать вывод о том, что существующий политический режим в Турции может быть охарактеризован как бюрократический, согласно классификации Н. А. Симони [18, с. 92].

Сказанное выше не позволяет приравнять существующее проявление государственно-монополистического капитализма к полнокровному его варианту, тем более если учесть дуальность экономики Турции и наличие в стране хотя и слабого, но зато в значительной мере изолированного от монополий низового потока становления капитализма. Для последнего государство выступает как обычный на ранних этапах капитализма искусственный двигатель развития. Таким образом, и при формировании капитализма государственная экономическая деятельность порождает неоднозначные отношения, содержащие элементы как государственного, так и государственно-монополистического капитализма. В разных странах их соотношение различно. Видимо, в Индии, где низовой поток капитализма гораздо сильнее и где он уже сливается с верхушечным, придавая всему индийскому капитализму, как считают специалисты [13, с. 61], демократический характер, преобладающие получают элементы госкапитализма. В противоположность этому в Турции государство ориентируется на монопо-

листический капитал, и в переплетении государственного капитализма с элементами государственно-монополистического капитализма превалирует последний.

Сохранение же дуальности экономики и, как следствие, синтетического характера власти государства позволяет последнему использовать характерные для докапиталистических формаций методы регулирования экономики и надзора за обществом, до известной степени подчиняя себе и сам финансовый капитал. Как выразился по поводу нефтяных монархий Ближнего Востока Р. Н. Андреасян, там «складывается своеобразный государственный феодально-монополистический капитализм» [3, с. 11]. Такой синтез является частью и порождением более широкого синтеза традиционного и современного при становлении и развитии капитализма на базе дуальности, опережающего развития монополистического капитала в «третьем мире». В этом много сходства со становлением капитализма в Японии и частично в России, где, безусловно, имел место такой же синтез, что и нашло отражение в ленинском определении русского империализма как «военно-феодального» [2, с. 395, 396].

Л и т е р а т у р а

1. *Маркс К.* Из рукописного наследства.— *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 12.
2. *Ленин В. И.* Империализм как высшая стадия капитализма.— Т. 27.
3. *Андреасян Р. Н.* «Нефтяное процветание» и капиталистическая трансформация.— *Азия и Африка сегодня.* 1979, № 1.
4. Аргентина. Тенденции социально-экономического развития. М., 1980.
5. *Бабинцева Н. С.* О восточнодеспотических чертах в деятельности колониального государства в Африке.— *Вестник Ленинградского университета. Сер. «Экономика, философия, право».* Вып. 5. 1968.
6. *Барышникова О. Г.* Экономика Филиппин в настоящем и будущем. М., 1986.
7. Буржуазия и социальная эволюция стран зарубежного Востока. М., 1985.
8. Восток. Рубеж 80-х годов. М., 1983.
9. Зарубежный Восток и современность. Т. 1—3. М., 1980—1981.
10. Капитализм в Турции: социально-экономическое развитие в 50—80-е годы. М., 1987.
11. Китайские этнические группы в странах Юго-Восточной Азии. М., 1986.
12. *Левковский А. И.* Социальная структура освободившихся стран. М., 1978.
13. Противоречивая эволюция (Международный обмен мнениями о капиталистическом развитии в афро-азиатском регионе).— *Проблемы мира и социализма.* 1981, № 12.
14. Развивающиеся страны в современном мире. Единство и многообразие. М., 1983.
15. Развитие частного предпринимательства в странах Тропической Африки. М., 1987.
16. *Розалиев Ю. Н.* Экономическая история Турецкой Республики. М., 1980.
17. *Симония Н. А.* К вопросу о судьбах капитализма в странах Азии.— *Азия и Африка сегодня.* 1979, № 2.
18. *Симония Н. А.* Национально-государственная консолидация и политическая дифференциация развивающихся стран Востока.— *Мировая экономика и международные отношения.* 1983, № 1.
19. Традиционные структуры и экономический рост в Индии. М., 1984.

20. Широков Г. К. Техническое переоснащение и социально-экономическая трансформация стран Востока.— Азия и Африка сегодня. 1979, № 7.
21. Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного. М., 1984.
22. Экономическое развитие современной Турции. М., 1983.
23. Anuario estatístico do Brasil. 1977. Rio de Janeiro, 1978.
24. *Dos Santos*. Socialismo o fascismo: dilemma latinoamericana.— Santiago de Chile. 1969.
25. Genel sanayi ve isyerleri sayimi. Türkiye toplami. Estambul, 1980.
26. OECD Economic Survey. Turkey. P., 1985.
27. The Middle East News Economic Weekly. Cairo, 1987.
28. The Financial Times. L.
29. Türkiye postasi. B.